

Глава 12. Рыночный день

Прополка, сбор хвороста, удобрение — дни летели незаметно, и вот уже наступило пятнадцатое число.

Семья Цяо снова поднялась до рассвета, чтобы успеть всё подготовить. Цяо Жуйфэну сегодня нужно было идти на пристань искать работу, а Цяо Суйман и Цинь Юй собирались продавать напитки на Восточном рынке неподалёку от причалов.

Восточный рынок всегда был многолюден, и чтобы занять хорошее место, торговцам приходилось приходить сюда ещё до рассвета. Деревня Сяхэ находилась не так уж близко к городу — пешком туда идти полшичэня¹, поэтому в каждый рыночный день им нужно было вставать раньше обычного.

На телеге стояло пять бочек с напитками, но их наполнили не доверху, чтобы от тряски не расплескалось содержимое: это было бы и расточительно, и оставило бы вокруг липкую грязь.

Цяо Жуйфэн тянул телегу спереди. На ней лежали две бамбуковые корзины: в одной — люффа и волосистые тыквы, собранные на заднем дворе, в другой — бамбуковые трубки, которые он смастерил накануне. Цяо Суйман и Цинь Юй придерживали бочки, чтобы те не опрокинулись.

Весеннее утро было слегка зябким. В тонких ватных куртках они шли в город под тусклым светом зарождающегося рассвета.

Когда они миновали деревню Сяхэ и вышли на большую дорогу, навстречу уже попадались другие жители, спешащие на рынок. Кто-то нёс выращенные дома овощи и фрукты, кто-то гнал скотину. Были и возницы на воловьих повозках, предлагающие подвезти за три-пять вэнь — в зависимости от расстояния.

С несколькими бочками напитков быстро идти не получалось. Когда семья Цяо добралась до Восточного рынка, небо уже светлело. Они остановились на своём привычном месте, заплатили яи² три вэнь и получили право торговать здесь до заката.

Цяо Жуйфэн поспешил к причалам искать работу. Пятнадцатое число было особенно оживлённым: к пристани сходилась множество купеческих судов, и платили в такие дни выше обычного. Рабочие собирались с раннего утра в ожидании нанимателей, и опоздать значило упустить шанс. Поэтому, едва телега была установлена, он сразу ушёл.

Спереди у телеги были подпорки, чтобы она устойчиво стояла на земле. Корзину с овощами поставили рядом, чтобы покупатели могли выбирать продукты. Цяо Суйман выставил деревянную табличку с надписью «Ароматные напитки»³. Это была услуга со стороны старосты деревни, который когда-то учился грамоте у учителя из соседнего селения.

По утрам на рынок в основном приходили жёны и фуланы за покупками, но напитки тоже нужно было рекламировать, поэтому табличку выставили сразу. Едва Цяо Суйман закончил раскладываться, как к ним подошли два фулана, чтобы узнать цены товаров.

— Младший гер, почём люффа?

— Три вэнь за цзинь⁴, пять вэнь за два цзиня. Это недорого. Сколько вам нужно? — ответил Цинь Юй.

— Дорого. Сбавь до двух вэнь за цзинь.

— Не могу. У других не меньше трёх вэнь за цзинь. Я и так делаю уступку за два цзиня. Если продам ниже, то выйдет, что я работаю себе в убыток.

Они заранее разузнали рыночные цены на люффу и волосистые тыквы. Обычно люффу продавали по две-четыре вэнь за цзинь, но за два вэнь шли уже старые, подвявшие плоды. Их овощи были сорваны только вчера, так что продавать их так дешёво они не могли.

Волосистые тыквы стоили дороже — от четырёх вэнь за цзинь. Их плоды были крупные и нежные, так что пять-шесть вэнь были бы вполне оправданной ценой. Оба фулана это понимали, но торговались скорее по привычке.

Они были уже в возрасте и явно опытни в торге. С такими покупателями лучше сразу назвать самую низкую цену, чтобы избежать лишних пререканий. Даже если сейчас они не купят, позже всё равно вернуться, поняв, что выгоднее не найти.

Убедившись, что Цинь Юй не уступит, фуланы больше не настаивали. Пять вэнь за два цзиня и так было хорошей ценой, поэтому каждый взяла по четыре плода — ровно по два цзиня на человека.

Получив десять вэнь, Цинь Юй убрал их в кошель и потуже затянул шнурок.

Солнце поднималось выше, разгоняя утренний холод, и на рынок стекалось всё больше людей. Овощи продавались быстро, а Цяо Суйман ловко вёл торг с домовитыми жёнами и фуланами.

В отличие от прямолинейного Цинь Юя, тонкие, юные черты Цяо Суймана делали его более приветливым на вид. Женщина лет тридцати, поняв, что с Цинь Юем сторговаться не удастся, повернулась к нему.

— Младший гер, сделай уступку. Давай четыре вэнь за три волосистые тыквы — и я куплю.

Но она и не подозревала, что имеет дело с маленькой лисой. Цяо Суйман поджал губы и мягко ответил:

— Госпожа, так нельзя. Посмотрите, какие они упитанные и свежие. Мы только вчера их сорвали! Такие тыквы, как красавица вроде вас, требуют заботы, чтобы расцвести.

Увидев, как лицо женщины смягчилось, он продолжил:

— Мы ухаживали за ними с большим старанием. Четыре вэнь за цзинь едва покрывают наши труды.

Он прикусил губу, изобразив сомнение, и вокруг послышался смех покупателей.

— Ай да гер, какой прелестник! Ха-ха! Сестрица, грех не купить!

Женщина рассмеялась от души.

— Конечно куплю! За такие слова, я точно обязана. — Она выбрала из корзины три крупных тыквы и протянула их Цяо Суйману. — Вот эти три.

Их раньше обходили стороной из-за размера. Цяо Суйман улыбнулся.

— Благодарю вас, госпожа. Сейчас взвешу.

Всего вышло пять цзиней. Он принял двадцать пять вэнь и опустил их в кошель Цинь Юя.

Женщина была грамотной и заметила вывеску.

— В этих бочках напитки? А какие?

— Напиток из периллы, сварен сегодня утром.

— Почём?

— Два вэнь за ковш. Если нет бамбуковой трубки, можно купить её за один вэнь. Всего выйдет три вэня.

— Так дешёво? — удивилась женщина. Её семья жила зажиточно, и она время от времени покупала напитки, которые обычно стоили не меньше восьми вэнь.

Фулан, знакомый с лавкой Цяо Суймана, пояснил:

— У него не такой сладкий, как у других, поэтому дешевле.

Этот фулан тоже был из их деревни и не мог позволить себе тратить восемь вэнь на напиток, а вот два вэнь уже по силам, да и будет чем похвастаться.

— Пусть и дешёвый, но приготовлен с душой. Не желаете попробовать, госпожа? За два вэнь вы ничего не потеряете, зато получите целый кувшин напитка.

Цяо Суйман озорно улыбнулся. Заметив, что у женщины с собой лишь корзина для овощей, он добавил:

— Раз вы уже поддержали нашу торговлю, я подарю вам бамбуковую трубку. Заплатите только два вэнь.

Очарованная его словами и подарком, женщина согласилась:

— Хорошо, давай.

Пока Цяо Суйман наливал напиток, он не заметил, что в двух чжанах от лавки, Лу Дунцин наблюдает за ними. Тот опустил взгляд, и на губах его мелькнула лёгкая улыбка. Сегодня он и впрямь походил на маленькую лису.

С утра Лу Дунцин побывал в «Зале Возвращения Весны» в северной части города и поговорил с приказчиком. Всё вышло, как и ожидалось: бамбуковый гриб продали за четыре цянтя и пятьдесят шесть вэнь, а травы, которые он высушил сам, принесли сто сорок вэнь. Он размышлял, как передать Цяо Суйману его долю, и вот случай представился сам собой.

Вчера, когда Цяо Жуйфэн заходил к нему домой, тот смотрел на него странно, словно само его существование вызывало недовольство. Лу Дунцин не понял причины, а спросить, что случилось не успел, потому что Цяо Жуйфэн уже ушёл.

За спиной у Лу Дунцина висела большая холщовая сумка с мелкими резными изделиями, которые он делал в свободное время. Позже он собирался разложить их на продажу, хотя товара было немного.

Поразмыслив, он достал два цянтя серебром и тридцать вэнь, затем направился к лавке Цяо

Суймана.

На Цяо Суймана упала тень. Он поднял голову — перед ним стоял Лу Дунцин. Не успел гер выразить удивление, как тот протянул ему бамбуковую трубку и спокойно сказал:

— Мне напиток.

Цинь Юй, никогда прежде его не видевший, вздрогнул от его сурового вида и невольно притянул Цяо Суймана ближе к себе.

Но Цяо Суйман на мгновение замер, затем чуть покачал головой, бросив на Цинь Юя успокаивающий взгляд. С улыбкой он принял бамбуковую трубку.

— О, это ты. Тоже на рынок сегодня пришёл?

Его внимание сразу привлекла трубка в руках. Крышка плотно прилегала и была тщательно отшлифована, корпус блестел гладким глянцем, а по поверхности тянулась резьба.

Трубка выглядела особенной и куда красивее тех, что они делали сами. Даже в городских лавках, где за такие просили больше десяти вэнь, не продавали ничего столь изящного.

В его глазах вспыхнуло восхищение.

— Какая красивая чашка. Наверное, дорогая?

Неожиданная похвала слегка смутила Лу Дунцина. Сдерживая улыбку, он тихо кашлянул.

— Я сам сделал. Не покупал.

Он много лет учился бамбуковому ремеслу и давно освоил обычную резьбу. Бамбуковые трубки были просты в изготовлении, но дома места было немного, и все три трубки хранились вместе, поэтому он вырезал на каждой разный узор, чтобы не перепутать. У его матери, Мяо Ляньхуа, были вырезаны лотосы, а у младшего брата — заснеженные сосны.

Ах да, он ведь ремесленник. Цяо Суйман вдруг вспомнил об этом. Он и не думал, что Лу Дунцин настолько искусен. Недаром тётушка Цянь так высоко отзывалась о семье Лу. С таким мастерством, процветание лишь вопрос времени.

— Ты потрясающе делаешь. Куда красивее, чем у других.

Говоря это, он не прекращал работы: ковш напитка ровно наполнил трубку — ни капли мимо. Крышка была привязана пеньковой бечёвкой, чтобы не потерялась. Цяо Суйман пока не закрывал её.

— Сначала отпей немного, а то закроем и перельётся.

— Угу.

Лу Дунцин взял трубку и сделал несколько глотков. Это южное лакомство ему прежде не доводилось пробовать. Первый глоток удивил — лёгкая кислинка, аромат периллы и едва уловимая сладость. Сочетание было необычным, но гармоничным. Он слышал, что цена — всего два вэнь. Неудивительно, что торговля идёт бойко.

После паузы он неловко произнёс:

— Вкусно.

Цяо Суйман приподнял бровь. Этот человек выглядел спокойным, но будто всё время о чём-то думал. Сейчас он напомнил ему Хэйцзиня, который старательно изображает равнодушие после похвалы.

Он тут же одёрнул себя, испугавшись собственной мысли. Как можно сравнивать человека с собакой? С улыбкой он сказал:

— Спасибо. С тебя два вэнь.

Лу Дунцин знал цену. Не раздумывая, он закрыл трубку, достал кошель и протянул два цянтя серебром и тридцать вэнь. Последние были нанизаны на высушенную траву для удобства счёта.

Поскольку у лавки на мгновение не оказалось других покупателей, он пояснил:

— Бамбуковый гриб продали за четыре цянтя и пятьдесят шесть вэнь. Нам по два цянтя и двадцать восемь вэнь каждому. Лишние два вэнь за напиток.

Ещё два цянтя!

Глаза Цяо Суймана засверкали при виде серебра. Он осторожно принял деньги. Раз Лу Дунцин открыто назвал сумму выручки, значит, вряд ли обманывает. Он быстро пересчитал монеты, а затем убрал и серебро, и связку в кошель.

— Ты так рано пришёл? Видно, разбираешься в торговле. Не то что мы, дилетанты. У тебя рука набита, вот и продаёшь так выгодно.

— Не слишком рано. В «Зале Возвращения Весны» дают честную цену. Это твоя доля.

Видя радость Цяо Суймана, Лу Дунцин почувствовал, как и его настроение необъяснимо светлеет.

— Кхм.

Заметив, что к лавке подходит ещё один покупатель, он решил, что пора уходить. Обычно Лу Дунцин просто разворачивался и уходил, но сегодня добавил:

— Я пойду. Нужно ещё поставить свою лавку. — Он указал в сторону, откуда пришёл.

— А... хорошо. Спасибо ещё раз.

¹ 刻 — древняя китайская мера времени, равная двум часам; полшичэня — один час.

² 皂隸 — ямэньские служители, низшие чиновники.

³ 香飲子 (xiāng yǐnzi) — «ароматный напиток»; традиционный китайский травяной настой.

⁴ 斤 — традиционная китайская мера веса, около 500 г.